

Севернохантыйский как язык с чертами аккузативного и иерархического кодирования

Муравьев Никита Алексеевич, Институт языкознания РАН (Москва), Университет Гамбурга; nikita.muraviev@gmail.com

В статье рассматривается стратегия ролевого кодирования участников в казымском диалекте севернохантыйского языка. Некоторые факты, такие как аккузативное маркирование личных местоимений, глагольное согласование с S/A-участником, преимущественно начальная позиция S/A-участника в клаузе и пассивный залог с продвижением О-участника, указывают на принадлежность казымского хантыйского к языкам с аккузативной стратегией. Вместе с тем, анализ дистрибуции активного и пассивного залога, субъектного и субъектно-объектного спряжений на полевом и текстовом материале обнаруживает ряд иерархических эффектов кодирования. В частности, выбор между активным и пассивным залогом диктуется относительной позицией А- и О-участника в иерархиях одушевленности и референциального статуса, а необходимым условием использования субъектно-объектных форм является определенность обоих участников. Совокупность данных фактов побуждает нас рассматривать казымский хантыйский как промежуточный случай, имеющий некоторые внешние признаки аккузативной стратегии кодирования, но в остальном функционирующий по принципам языков с иерархической стратегией, таких как алгонкинские или тибето-бирманские.

Ключевые слова: уральские языки, севернохантыйский язык, морфосинтаксис, ролевое кодирование, залог, иерархии, референциальный статус, одушевленность

NORTHERN KHANTY AS A LANGUAGE WITH THE FEATURES OF ACCUSATIVE AND HIERARCHICAL ALIGNMENT

Nikita A. Muravyev, Institute of Linguistics, RAS (Moscow), University of Hamburg; nikita.muraviev@gmail.com

This study features an alignment system in Kazym Khanty. Several facts including accusative marking of personal pronouns, verbal agreement with S/A and a strong tendency towards the clause-initial position of S/A suggest treating Kazym Khanty alignment as accusative. Meanwhile field and text data on the distribution of the active and passive voice as well as subject and subject-object agreement forms reveal several hierarchical coding effects. These include sensitivity of active/passive distinction to animacy and referentiality of the core participants and definiteness requirement of both participants for subject-object agreement. In sum, these facts suggest that Kazym Khanty can be considered an intermediate case of an alignment system combining certain surface properties of an accusative alignment with underlying hierarchical distribution patterns resembling some hierarchical coding systems of Algonquian and Tibeto-Burman languages.

Keywords: Uralic languages, Northern Khanty, morphosyntax, alignment, voice, hierarchies, referentiality, animacy

Введение

Севернохантыйский язык (обско-угорские < финно-угорские < уральские), наряду с восточным и южным хантыйским, распространен на территории Ямало-ненецкого и Ханты-мансийского автономных округов Российской Федерации. Хантыйский язык представляет собой диалектный континуум, и его диалектное членение на данный момент остается дискуссионным. В частности, в [Терешкин 1981] хантыйский язык подразделяется на западное и восточное наречия, или диалектные группы, а в [Штейниц 1937] — на северное, южное и восточное, некоторыми исследователями также выделяются промежуточные говоры. Северное наречие хантыгского языка, далее — севернохантыйский язык, на первый взгляд мало чем отличается от генетически и ареально близких ему языков с базовой аккузативной стратегией ролевого кодирования¹, распространенных на территории Западной Сибири. Об аккузативности и частичной нейтральности кодирования участников в севернохантыйском говорится, в частности, в грамматике [Nikolaeva 1999: 38]. Это следует из устройства падежного маркирования именных групп и глагольного согласования: S/A-участник выступает в немаркированной форме и вызывает первичное согласование, тогда как P-участник маркируется аккузативом либо остается немаркированным и иногда вызывает вторичное согласование. Однако такой взгляд на севернохантыйское кодирование основан только на устройстве активного залога и не учитывает тот факт, что активный залог в значительной мере функционально ограничен. Например, он не может использоваться в случае, если A-участник является неодушевленным или неопределенным, подробнее см. раздел 2.1. Если же рассматривать активный и пассивный залог в совокупности как единую систему кодирования участников, то такие функциональные лакуны обоих залогов складываются в иерархические принципы, свойственные языкам с базовой иерархической стратегией, где распределение синтаксических позиций между участниками зависит не от семантических ролей, а от взаимного расположения участников на иерархиях лиц и одушевленности. К примеру, одушевленный участник имеет приоритет над неодушевленным: если A одушевленный, а P неодушевленный, то A становится подлежащим, используется активный залог, если наоборот, то уже P становится подлежащим, используется пассивный залог. С учетом этого категория залога в севернохантыйском обнаруживает сходство с характерной для иерархических языков категорией направления, различающей значения директива и инверсива, которые отражают, соответственно, прямое и обратное соответствие морфосинтаксических ролей и иерархических позиций. Цель исследования — установить, какое место занимают иерархические принципы кодирования участников в системе севернохантыйского языка. Материалом для исследования послужили данные дистанционного опроса носителей с. Казым Ханты-Мансийского автономного округа — Югры (2020—2021 гг.). Для иллюстрации отдельных положений работы также используется текстовый материал из севернохантыйского корпуса на тегинском, казымском и шурышкарском диалектах².

Статья состоит из трех разделов. В разделе 1 представлен краткий обзор типологической литературы по ролевому кодированию, а также даны основные сведения о морфологии и кодировании участников в севернохантыйском языке. Раздел 2 посвящен анализу иерархических принципов организации залога и спряжения в севернохантыйском языке на материале казымского диалекта. В разделе 3 подводятся итоги исследования и обсуждается статус кодирования участников в севернохантыйском языке в типологии стратегий ролевого кодирования.

1. Ролевое кодирование в хантыйском языке: постановка задачи

1.1. Типологические исследования ролевого кодирования

Важнейшим периодом в типологических исследованиях кодирования участников стали 70-е годы прошлого столетия, в которые на смену традиционным евроцентричным понятиям субъекта и объекта пришла общепринятая ныне система SAO (SAP), впервые предложенная Р. Диксоном [Dixon 1972] и получившая развитие в работах Б. Комри, Б. Бикеля, Дж. Николс, А. Е. Кибрика и многих других [Comrie 1981; Nichols 1992; Kibrik 1997; Bickel, Nichols 2009], ср. обзор теоретических нюансов модели в [Haspelmath 2011]. В этой системе S соответствует единственному участнику непереходного глагола, A — первому участнику (как правило, агенту и субъекту) переходного глагола, O или P — второму участнику

¹ Стратегия кодирования участников в предложении является одним из основных параметров, определяющих типологический профиль языка. Выделяется аккузативная стратегия, при которой единственный участник кодируется так же, как и субъект переходного глагола, эргативная стратегия, при которой единственный участник кодируется так же, как и объект переходного глагола, и ряд других стратегий (подробнее см. раздел 1.1).

² Корпус текстов на хантыйском языке общим объемом в 42174 словоупотребления, разработанный Е. В. Кашкиным в рамках программы фундаментальных исследований президиума РАН «Корпусная лингвистика» (2012—2014 гг.).

(как правило, пациенсу и прямому объекту) переходного глагола. Данная система позволяет единообразно описывать данные языков с разными базовыми стратегиями падежного кодирования аргументов. Исходя из простого совпадения или несовпадения кодирования трех участников, выделяется пять логически возможных стратегий: нейтральная ($S=A=P$), аккузативная: ($S=A \neq P$), эргативная: ($S=P \neq A$), переходная, или горизонтальная ($S \neq A=P$) и трехчастная ($S \neq A \neq P$). Вместе с тем существуют различные отклонения от единообразного кодирования участников, как, например, активно-стативные системы, в которых S кодируется по-разному в зависимости от агентивности/пациентивности глагола. Кроме того, широко известны случаи расщепленной эргативности, когда выбор между аккузативной и эргативной стратегиями зависит от времени глагола, референциального выражения (местоимения vs. полные именные группы) и других параметров. Крайним случаем такого расщепленного кодирования являются иерархические языки Северной и Южной Америки, а также австронезийские языки с особой разновидностью залоговой системы, называемой залогом филиппинского типа. В этих языках выбор стратегии кодирования напрямую зависит от свойств участников: их одушевленности, топиальности, определенности и/или прагматической выделенности, что побудило некоторых исследователей постулировать особые типы: иерархическую стратегию [Nichols 1992] и австронезийскую стратегию [Blust 2013].

Отдельной типологической проблемой, затронутой в работе [Siewierska 2003], являются стратегии глагольного согласования. В некоторых случаях они могут совпадать с падежным кодированием, но довольно часто устроены сложнее, ср. обзор в [Bickel et al. 2013], и зависят от следующих факторов: разнообразия категорий, по которым согласуется глагол (например, число, лицо, род), наличия/отсутствия показателя согласования на глаголе, (не)совпадения показателей для разных участников, позиции согласовательного показателя в словоформе, условий наличия согласования. Достаточно вспомнить пример английского языка, в котором аккузативность глагольного согласования проявляется только в третьем лице единственного числа настоящего времени при помощи показателя *-s*, тогда как в остальных лицах и числах согласование морфологически не выражается и, тем самым, следует нейтральной стратегии, ср. *They like sailing* 'Они любят плавать' и *He like-s sailing* 'Он любит плавать' [Bickel et al. 2013: 17].

Наиболее интересной для нас в свете дальнейшего обсуждения представляется иерархическая стратегия кодирования, при которой кодирование участников определяется одной или несколькими семантическими, синтаксическими и/или дискурсивными иерархиями, ср. [Thompson 1994; Dixon, Aikhenvald 1997; Zuñiga 2006]. Это означает, что в качестве подлежащего выбирается не фиксированный A или P -участник, а тот из них, который стоит выше по лицу, одушевленности или, например, референциальному статусу. Внешне это может проявляться как в вариативном падежном кодировании, так и в вариативном согласовании. Иерархические системы кодирования фиксируются преимущественно в языках Северной и Южной Америки, тибето-бирманских языках и на севере Австралии, см. [Siewierska 2013].

Рассмотрим пример южноамериканского языка пикурис с базовой иерархической стратегией кодирования участников, кодирование в котором, как будет показано далее, имеет много общего с севернохантыйским. Характерный признак большинства иерархических глагольных систем — дифференцированное кодирование участников в зависимости от их соотношения по лицу, а именно приоритетное кодирование локуторов (участников первого или второго лица) по сравнению с нелокуторами (участниками третьего лица), как в примерах (1, 2) ниже. В (1) A -участник первого лица производит действие над P -участником третьего лица, тогда как в (2), напротив, A -участник третьего лица производит действие над P -участником первого лица. Поскольку первое лицо иерархически выше третьего, глагол в обоих случаях согласуется с участником первого лица, какую бы роль в ситуации он ни играл. Избежать омонимии в данном случае помогает (а) выбор парадигмы согласования: в первом случае для участника первого лица используется субъектный ряд $ПА$, во втором — объектный ряд I , (б) именной показатель косвенного объекта для третьего лица во втором случае и (в) показатель инверсива на глаголе, указывающий на то, что действие совершается иерархически более низким участником над более высоким.

ПИКУРИС (кайова-таноанские)

- (1) *sənene ti-mɔn-ʔan*
 человек 1SG:ПА-видеть-PST
 'Я увидел человека' [Klaiman 1993: 359]³.
- (2) *ta-mɔn-mia-ʔan sənene-pa*
 1SG:I-видеть-INV-PST человек-OBL
 'Человек увидел меня' [там же].

³ Здесь и далее англоязычные переводы в иностранных источниках даны в русском варианте, перевод на русский язык — автора настоящей статьи.

Однако гораздо более типична для языков с иерархическим кодированием ситуация, при которой показатель директива/инверсива является единственным средством установить соответствие между иерархией участников и их ролями. Так, в примерах (3, 4) из равнинного кри [Zuñiga 2006: 2] мы видим аналогичное сочетание участников первого и третьего лица. Если действие направлено от более иерархически высокого участника первого лица к более низкому участнику третьего лица, используется показатель директива (3), в противном случае — показатель инверсива (4).

РАВНИННЫЙ КРИ (алгонкинские)

- (3) *ni-wāram-ā-w*
1-видеть-DIR-3
'Я вижу его/ее' [Zuñiga 2006: 2].
- (4) *ni-wāram-ikw-w*
1-видеть-INV-3
'Он(а) видит меня' [там же].

Отдельные иерархические закономерности в глагольной морфологии встречаются и в уральских языках. Так, в венгерском и в северносамодийских языках действует так называемый запрет на инверсивное согласование (англ. *inverse agreement constraint*), ср. [É. Kiss 2013; Bárány 2015]. В языках с этим ограничением субъектно-объектное спряжение невозможно при Р-участнике первого или второго лица, который более топикален, чем А-участник третьего лица. Так, венгерский язык имеет парадигмы субъектного (5) и субъектно-объектного спряжения (6), последнее из которых используется при определенном прямом объекте.

ВЕНГЕРСКИЙ (уральские)

- (5) *Lát-sz egy kutyá-t.*
видеть-2SG.SUBJ INDEF собака-ACC
'Ты видишь собаку (неопределенную)' [Bárány 2015: 2].
- (6) *Lát-od a kutyá-t.*
видеть-2SG.OBJ DEF собака-ACC
'Ты видишь собаку (определенную)' [там же].

Дополнительно существуют субъектно-объектные формы для первого лица А-участника и второго лица Р-участника (7), ср. (8).

- (7) *Lát-lak téged.*
видеть-1SG>2 ты.ACC
'Я вижу тебя' [Bárány 2015: 5].
- (8) **Lát-ok téged.*
видеть-1SG.OBJ ты.ACC
Ожид.: 'Я вижу тебя' [там же].

При этом для случая третьего лица А-участника и первого либо второго лица Р-участника отдельных форм не существует, ср. формы субъектного спряжения в (9, 11), а использование основных форм субъектно-объектного спряжения оказывается неграмматичным (10, 12).

- (9) *Lát-om őt.*
видеть-1SG.SUBJ он.ACC
'Я вижу его/ее' [Bárány 2015: 3].
- (10) **Lát-ok őt.*
видеть-1SG.OBJ он.ACC
Ожид.: 'Я вижу его/ее' [там же].
- (11) *Lát-Ø engem.*
видеть-3SG.SUBJ я.ACC
'Он/она видит меня' [Bárány 2015: 3].
- (12) **Lát-j-a engem.*
видеть-3SG.OBJ я.ACC
Ожид.: 'Он/она видит меня' [там же].

Случай венгерского языка показывает, что даже заведомо аккузативные языки могут обнаруживать закономерности иерархического кодирования. Поэтому для полного понимания закономерностей кодирования в родственных венгерскому обско-угорских языках и, в частности, в севернохантыйском необходим комплексный подход, учитывающий кодирование участников при разнообразных, в том числе непрототипических сочетаниях двух основных участников.

1.2. Ролевое кодирование в севернохантыйском языке

Рассмотрим подробнее релевантные аспекты морфологии севернохантыйского языка. Согласно описаниям [Steinitz 1950; Николаева 1995; Каксин 2010] и др., именная система севернохантыйского языка

различает три падежа: немаркированный падеж, локатив, транслатив (обдорский диалект) или латив (другие северные диалекты), ср. таблицу 1 ниже. Во всех севернохантыйских говорах немаркированная форма используется в позициях субъекта, прямого объекта и приименного зависимого, фактически сочетая в себе функции номинатива, аккузатива и генитива. У личных местоимений падежная система отличается наличием морфологически выраженных аккузатива и датива и отсутствием форм локативных падежей.

Таблица 1. Образец склонения существительного и местоимения в обдорском и казымском диалектах севернохантыйского языка, по [Nikolaeva 1999: 13, 16; Каксин 2010: 83, 91].

	Существительное <i>χot</i> 'дом'		Местоимение <i>luw, λūw</i> 'он/она'	
	обдорский	казымский	обдорский	казымский
Номинатив			<i>luw</i>	<i>λūw</i>
Генитив	<i>χo:t</i>	<i>χot</i>		
Аккузатив			<i>luwe:l</i>	<i>λūwti / λūwel</i>
Датив	—	—		<i>λūwela</i>
Локатив	<i>χo:t-na</i>	<i>χot-ən</i>	<i>luwe:l-na</i>	—
Латив	—	<i>χot-a</i>	—	—
Транслатив	<i>χo:t-ti</i>	—		—

Помимо падежа, именная морфология хантыйского языка различает категории числа (единственное, двойственное и множественное) и посессивности. Посессивность используется, во-первых, в собственной функции для указания на лицо и число обладателя, ср. *ma χot-em* 'мой дом' (я дом-POSS.1SG) и, во-вторых, в дискурсивной функции для указания на топикальность или определенность именной группы [Михайлов 2018], ср. *an-en mij-e* 'дай чашку (опред.)' (чашка-POSS.2SG дать-IMP.SG).

Глагольная система севернохантыйского языка различает активный и пассивный залог. Глагольное спряжение в активном залоге маркирует согласование глагола по лицу и числу с S/A-участником и по числу с P-участником и различает две парадигмы: субъектную и субъектно-объектную, ср. таблицы 2 и 3 ниже.

Таблица 2. Образец субъектного спряжения глагола *mānti* 'идти' в непрошедшем времени в казымском диалекте севернохантыйского языка [Каксин 2010: 101].

Л.ч. S	Форма	Л.ч. S	Форма	Л.ч. S	Форма
1SG	<i>mān-λ-əm</i>	1DU	<i>mān-λ-əmn</i>	1PL	<i>mān-λ-ūw</i>
2SG	<i>mān-λ-ən</i>	2DU	<i>mān-λ-ətn</i>	2PL	<i>mān-λ-əti</i>
3SG	<i>mān-λ-Ø</i>	3DU	<i>mān-λ-əŋn</i>	3PL	<i>mān-λ-ət</i>

Таблица 3. Образец субъектно-объектного спряжения глагола *təχərti* 'запереть' в непрошедшем времени в казымском диалекте севернохантыйского языка [Каксин 2010: 107—108].

Л.ч. S, ч. O	Форма	Л.ч. S, ч. O	Форма	Л.ч. S, ч. O	Форма
1SG>SG	<i>təχər-λ-em</i>	1DU>SG	<i>təχər-λ-emən</i>	1PL>SG	<i>təχər-λ-ew</i>
2SG>SG	<i>təχər-λ-en</i>	2DU>SG	<i>təχər-λ-əln</i>	2PL>SG	<i>təχər-λ-əln</i>
3SG>SG	<i>təχər-λ-əlle</i>	3DU>SG	<i>təχər-λ-əln</i>	3PL>SG	<i>təχər-λ-el</i>
1SG>NSG	<i>təχər-λ-əlləm</i>	1DU>NSG	<i>təχər-λ-əlləmn</i>	1PL>NSG	<i>təχər-λ-əllūw</i>
2SG>NSG	<i>təχər-λ-əllən</i>	2DU>NSG	<i>təχər-λ-əllən</i>	2PL>NSG	<i>təχər-λ-əllən</i>
3SG>NSG	<i>təχər-λ-əlle</i>	3DU>NSG	<i>təχər-λ-əllən</i>	3PL>NSG	<i>təχər-λ-əlləl</i>

Вопрос о дистрибуции субъектного и субъектно-объектного спряжений остается предметом дискуссий, однако на данный момент принято считать, что при переходных глаголах, где наблюдается вариативность между данными двумя типами форм, выбор между ними зависит от информационной структуры (см. более подробное обсуждение далее в 2.2). При непереходных глаголах единственно возможным является субъектное спряжение.

Пассивный залог в севернохантыйском языке маркируется специальным показателем *-a(j)/-i(j)-*, который располагается после показателя времени и перед показателем лично-числового согласования

субъектной парадигмы спряжения. Алломорф с конечным йотом используется, если далее следует лично-числовой показатель, тогда как алломорф без йота фиксируется в форме 3-го л. ед. ч. с нулевым показателем. Алломорф *-a(j)-* выбирается при глаголах с основой на согласный, *-i(j)-* — с основой на гласный [Каксин 2010: 112—114], см. таблицу 4 ниже.

Таблица 4. Образование форм пассивного залога
в казымском диалекте севернохантыйского языка

	<i>wɛr-ti</i> ‘делать’, основа на согласный	<i>tɕ-ti</i> ‘нести’, основа на гласный
Актив, 3SG	<i>wɛr-əs</i>	<i>tɕ-s</i>
Актив, 3PL	<i>wɛr-s-ət</i>	<i>tɕ-s-ət</i>
Пассив, 3SG	<i>wɛr-s-a</i>	<i>tɕ-s-i</i>
Пассив, 3PL	<i>wɛr-s-aj-ət</i>	<i>tɕ-s-ij-ət</i>

А-участник (исходное подлежащее) при пассивном залоге занимает позицию косвенного дополнения и оформляется падежным показателем локатива, в то время как позицию подлежащего занимает другой аргумент, чаще всего Р-участник (исходное прямое дополнение), с которым согласуется глагол в лице и числе.

Устройство именной и глагольной систем севернохантыйского языка в целом свидетельствует в пользу базовой аккузативной стратегии кодирования участников. Она проявляется, во-первых, в аккузативном оформлении местоимений, ср. аккузативную форму *mǎnǎtti* ‘меня’ в (14) ниже, и, во-вторых, в согласовании в первую очередь с S/A-участником и лишь во вторую — с Р-участником, ср. формы субъектного спряжения глаголов *šǔkǎtti* ‘разбить’ и *χǎtsǎti* ‘ударить’ в (13) и (14) и форму субъектно-объектного спряжения глагола *χǎtsǎti* ‘ударить’ в (14). Свою роль играет и порядок слов: даже при формальной нейтральности падежного кодирования полных именных групп субъект отчетливо тяготеет к начальной позиции, тогда как прямой объект располагается вслед за субъектом, ср. расположение участников ‘Вася’ и ‘чашка’ в (13), ‘Вася’ и ‘я’ в (14).

- (13) *waša-j-en an šǔkǎt-əs*
Вася-EP-POSS.2SG чашка разбить-PST[3SG]
‘Вася разбил чашку’.

- (14) *waša-j-en mǎnǎtti χǎtsǎ-s / χǎtsǎ-s-λe*
Вася-EP-POSS.2SG я.ACC ударить-PST[3SG] / ударить-PST-3SG>SG
‘Вася ударил меня’.

Вместе с тем обнаруживаются случаи, в которых А-участник не может занимать позицию подлежащего, а Р-участник — позицию прямого дополнения. Например, если А-участник оказывается в фокусе частного вопроса, как ‘Иван’ в примере (15) из обдорского диалекта, или является неодушевленным, как ‘ветер’⁴ в примере (16) из казымского диалекта, единственно возможный вариант — использовать пассивную конструкцию.

- (15) *kalan χoj-na we:l-s-a Juwan-na we:l-s-a*
олень кто-LOC убить-PST-PASS[3SG] Иван-LOC убить-PST-PASS[3SG]
‘Кто убил оленя? Иван убил’ [Nikolaeva 2001: 25].

- (16) *wət-ən maša-j-en iλ pǎwət-s-a*
ветер-LOC Маша-EP-POSS.2SG вниз уронить-PST-PASS[3SG]
‘Порыв ветра сбил Машу’.

Такая обязательность для пассива, в целом, типологически нехарактерна [Klaiman 1993: 348], поскольку, как правило, в языках с противопоставлением актива и пассива любому предложению в активе можно подобрать пассивный аналог и наоборот, ср. *Маша была сбита порывом ветра* и *Порыв ветра сбил Машу* или в безличном варианте *Машу сбilo порывом ветра*. Альтернативный подход состоит в том, чтобы рассматривать оппозицию актива и пассива в севернохантыйском не как залоговую альтернативу, а как вариативную стратегию кодирования участников, при которой морфосинтаксические роли

⁴ В данном случае А-участник ‘порыв ветра’ является не агенсом, а каузатором, ср. [Падучева 2001: 57].

А и Р соотносятся с синтаксическими позициями не единственным образом, а в зависимости от взаимного иерархического положения этих участников, а глагол посредством залоговой морфологии указывает на соответствие (актив) или несоответствие (пассив) А-участника наиболее высокой иерархической позиции среди участников в предложении. Возвращаясь к примеру (2) из языка пикурис, стоит отметить формальное сходство севернохантыйского пассива с инверсивным кодированием в этом языке: в обоих случаях имеется специальный показатель на глаголе (пассив в хантыйском и инверсив в пикурис) и косвенный именной показатель (локатив в хантыйском и обликвус в пикурис), а глагол согласуется по лицу и числу с Р-участником.

Для того чтобы адекватно оценить, в какой пропорции севернохантыйский язык сочетает в себе черты аккузативного и иерархического кодирования, необходимо последовательно обсудить основные аспекты кодирования участников в севернохантыйском языке, ответив на следующие вопросы:

- 1) От каких параметров зависит вариативное кодирование участников в севернохантыйском языке?
- 2) Носит ли кодирование участников иерархический характер?
- 3) Если да, то какое место занимает иерархическое кодирование в системе севернохантыйского языка?

Вопросы 1 и 2 будут далее рассмотрены во второй главе, вопрос 3 — в третьей главе.

2. Параметры кодирования участников в севернохантыйском языке

Как мы упомянули в разделе 1, севернохантыйский язык формально относится к языкам с базовой аккузативной стратегией кодирования участников, но в то же время обнаруживает ряд черт, сближающих его с иерархическими языками, что требует более детального взгляда на параметры кодирования участников. Далее мы отдельно рассмотрим основные параметры кодирования участников, влияющие на выбор ключевых для севернохантыйской системы глагольных форм: активного и пассивного залога (2.1), а также субъектного и субъектно-объектного спряжения (2.2).

2.1. Активный и пассивный залог

Прототипический пассив характеризуется смещением А-участника из позиции подлежащего и продвижением на его место Р-участника [Keenan 1985; Shibatani 1988]. Изначально предполагалось, что основным свойством пассива является синтаксическое повышение Р-участника [Givón 1979: 186], но в последнее время ключевая роль отводится понижению А-участника [Shibatani 1985: 830; Thompson 1994: 47], в том числе из-за существования непродвигающих безличных пассивов. Специфичной чертой обско-угорских пассивов и, в частности, пассивного залога в севернохантыйском языке является его связь с информационной структурой. Его основной функцией является поддержание топика [Кошкарёва 2002: 35] в случаях, когда участник с семантической ролью А-участника не соответствует данной информационно-структурной роли [Kulonen 1989: 71; Nikolaeva 2001: 25; Virtanen, Sosa 2018: 235]. К примеру, описание залога в обдорском диалекте в [Nikolaeva 2001] строится с опорой на модель информационной структуры высказывания в [Lambrecht 1994], в которой на основании вопросно-ответных тестов выделяется а) аргументный фокус, как в {Кого Вася ударил?} Он ударил ПЕТЮ, б) предикатный фокус {Что Вася сделал с Петей?} Он УДАРИЛ Петю и в) сентенциальный фокус, как в {Что случилось?} Вася ударил Петю. Так, в вопросно-ответной паре (15), повторенной в (17), топиком является Р-участник 'олень', тогда как А-участник 'Иван' оказывается в фокусе и поэтому не может стоять в позиции подлежащего при активном залоге. По этой причине используется пассивный залог, при котором 'олень' занимает позицию подлежащего, а 'Иван' помещен в позицию косвенного дополнения в локативе.

- (17) *kalan xoj-na we:l-s-a* *Juwan-na we:l-s-a*
 олень кто-LOC убить-PST-PASS[3SG] Иван-LOC убить-PST-PASS[3SG]
 'Кто убил оленя? Иван убил' [Nikolaeva 2001: 25].

Залоговое противопоставление в севернохантыйском можно рассматривать и в терминах дискурсивной топикальности, или активированности референтов в дискурсе, по [Givón 1983]. Так, в статье [Кошкарёва 2002] приводится нарративная последовательность (18), в которой 'свекровь' и 'сноха' являются наиболее топикальными участниками, тогда как А-участник последнего высказывания 'нити выделяющая женщина' упоминается впервые и также не может занимать позицию подлежащего, поэтому и в этом случае используется пассив с А-участником в позиции косвенного дополнения в локативе.

- (18) {В одно время люди жили, сноха у них тоже была. Это было в наших краях. Каждый вечер эта сноха нити делает. Свекровь ей говорит: «Невестка, нельзя по вечерам нити делать...»}

pɯn wɛrti imi-j-ən jəχət-λ-aj-ən
нити делать женщина-EP-LOC прийти-NPST-PASS-2SG

‘Нити выделяющая женщина к тебе придет’ [Кошкарева 2002: 35].

Как можно видеть из этого примера, а также из примеров (19—21) ниже, в севернохантыйском пассивизация не ограничивается продвижением топикального Р-участника, а охватывает широкий спектр семантических ролей, ср. реципиент (19), бенефициант (20) и место (21).

- (19) *wɛŋ-jəχ-λ-aλ-ən mōrt-a mɔjlə-s-ij-ət*
зять-люди-PL-POSS.3SG-LOC мера-LAT дарить-PST-PASS-3PL

‘Они были щедро одарены семьей зятя’ [Kulonen 1989: 229].

- (20) *maw-əŋ pāsən-ən, sōr-əŋ pāsən-ən wɛr-s-aj-ət*
мед-ADJ стол-LOC пиво-ADJ стол-LOC делать-PST-PASS-3PL

‘Стол с медом и пивом был накрыт для них’ [там же: 220].

- (21) *mōw šiw-ən ɔmɔs-λ-a*
земля туман-LOC сесть-NPST-PASS[3SG]

‘Погода туманная (букв. на землю сел туман)’ [там же: 185].

Однако сравнение севернохантыйского языка с материалом языков с базовой иерархической стратегией кодирования предполагает обзор поведения исследуемой категории с точки зрения не только информационной структуры, но и других параметров, таких как лицо, одушевленность и референциальный статус, ср. [Zúñiga 2006: 48].

Рассмотрим для начала параметр лица и конкретнее контексты А-участника нелокутора и Р-участника локутора, А-участника локутора и Р-участника нелокутора и обоих участников локуторов. Особенностью севернохантыйских диалектов, за исключением обдорского, является отсутствие у местоимений падежной формы локатива, ср. обзор в [Вальгамова и др. 2011: 168—171] и связанный с этим повсеместный запрет (в том числе и в обдорском) на использование личных местоимений для выражения А-участника при пассиве. Поэтому в контекстах обоих участников первого/второго лица используется исключительно активный залог, ср. (22a) и неграмматичность (22b).

- (22) a. *nəŋ mənətti χətsə-s-ən*
ты я.ACC ударить-PST[3SG]
‘Ты меня ударил’.
b. **mə <nəŋenən>⁵ χətsə-s-ij-əm*
я ты.LOC ударить-PST-PASS-1SG
Ожид.: ‘Ты меня ударил’.

То же касается и конфигурации А-участника локутора и Р-участника нелокутора, в которой также может использоваться только активный залог (23a), ср. невозможность пассива в (23b).

- (23) a. *ma wəsa-j-en χətsə-s-əm*
я Вася-EP-POSS.2SG ударить-PST-1SG
‘Я ударил Васю’.
b. **wəsa-j-en <mənəmən> χətsə-s-i*
Вася-EP-POSS.2SG я.LOC ударить-PST-PASS[3SG]
Ожид.: ‘Я ударил Васю’.

В свою очередь, в обратной конфигурации А-участника нелокутора и Р-участника локутора может использоваться как активный (24a), так и пассивный залог (24b).

- (24) a. *ma wəsa-j-en-ən χətsə-s-ij-əm*
я Вася-EP-POSS.2SG-LOC ударить-PST-PASS-1SG
‘Вася меня ударил’.

⁵ Здесь и далее в угловых скобках приведена искусственно построенная по аналогии с дативной формой *mənəmən* форма локатива местоимения. Данная форма, хотя и признается приемлемой отдельными носителями в специальных контекстах, запрещается большинством других носителей, не фиксируется в текстах, в том числе в позиции агентивного дополнения при пассиве.

- b. *waša-j-en mǎnǎtti χǎtsǎ-s*
 Вась-EP-POSS.2SG я.ACC ударить-PST[3SG]
 ‘Вась меня ударил’.

Если примеры (23а, б) укладываются в логику иерархических языков, в которых подлежащим обязан быть участник, более высокий в иерархии локутор > нелокутор, то примеры (24а, б), на первый взгляд, отходят от этой логики. Однако, если обратиться к материалу текстов, ср. таблицу 5 ниже, становится очевидно, что активный залог при А-участнике нелокуторе и Р-участнике локуторе встречается заметно реже, чем пассивный, и картина получается практически зеркальной к контекстам с А-участником локутором и Р-участником нелокутором, ср. приведенные в начале примеры (1, 2) из языка пикурис с аналогичным, хотя и более строгим распределением директива и инверсива.

Таблица 5. Использование актива и пассива в зависимости от лиц участников в казымском диалекте севернохантыйского языка: корпусные данные

	А локутор, Р нелокутор	А нелокутор, Р локутор	Всего
Актив	43	4	47
Пассив	—	42	42
Всего	43	46	89

Теперь рассмотрим параметры выбора залога в контекстах обоих участников третьего лица. Одним из значимых параметров является одушевленность участников. Так, при неодушевленном А-участнике и одушевленном Р-участнике активный залог попадает под запрет (25а), и единственно возможным оказывается пассивный залог (25б).

- (25) a. **wət-en maša-j-en ił pǎwt-əs*
 ветер-POSS.2SG Маша-EP-POSS.2SG вниз уронить-PST[3SG]
 Ожид.: ‘Порыв ветра сбил Машу’.
 б. *wət-ən⁶ maša-j-en ił pǎwət-s-a*
 ветер-LOC Маша-EP-POSS.2SG вниз уронить-PST-PASS[3SG]
 ‘Порыв ветра сбил Машу’.

Случаи, когда А-участник третьего лица одушевленный, но уступает в одушевленности Р-участнику, как ‘собака’ в (26), попадают под менее категоричный запрет.

- (26) a. *?amp-en pet’a-j-en tɔχm-əs*
 собака-POSS.2SG Петя-EP-POSS.2SG кусать-PST[3SG]
 ‘Собака укусила Петю’.
 б. *pet’a-j-en amp-ən tɔχəm-s-a*
 Петя-EP-POSS.2SG собака-LOC кусать-PST-PASS[3SG]
 ‘Собака укусила Петю’.

При этом более значимую роль, по-видимому, играет именно одушевленность А-участника, поскольку даже при неодушевленном Р-участнике, как в (27), использование активного залога оказывается затруднено⁷.

⁶ Стоит отметить, что в (26б) участник ‘ветер’ в позиции косвенного объекта не маркирован дискурсивным показателем посессива второго лица, который, как уже упоминалось выше, используется практически исключительно в субъектной позиции (кроме имен собственных), ср. [Mikhailov 2021: 43–48].

⁷ На данный момент мы не можем утверждать, что в таких контекстах использование активного залога полностью исключено, однако построить соответствующий естественный контекст крайне сложно. Так, например, предложение (i), по комментариям носителей, возможно в том случае, если ветер в предшествующем контексте был главным действующим лицом, совершившим ряд других действий.

(i) *wət-en tām sɔχ-ət ił pawt-əs*
 ветер-POSS2SG этот шкура-PL вниз ронять-PST[3SG]
 {‘Что натворил сегодня ветер?’} ‘Ветер уронил эту одежду’.

Данный контекст можно рассматривать как результат коэрсии изначально неподходящего для позиции подлежащего неодушевленного участника посредством его персонификации.

- (27) a. *wət-en lipt-ət ar-a tɔ-s
ветер-POSS.2SG лист-PL много-DAT нести-PST[3SG]
Ожид.: 'Порыв ветра разбросал листья'.
b. lipt-ət wət-ən ar-a tɔ-s-ij-ət
лист-PL ветер-LOC много-DAT нести-PST-PASS-3PL
'Порыв ветра разбросал листья'.

Помимо одушевленности, на выбор залога влияет также референциальный статус участников. При референтном неопределенном А-участнике и определенном Р-участнике допустимо использование только пассивного (28b, 29b), но не активного залога (28a, 29a).

- (28) a. *mɔlsər aj_iki waša-j-en χṭśə-s
что.INDEF мальчик Вася-EP-POSS.2SG ударить-PST[3SG]
Ожид.: 'Какой-то мальчик ударил Васю'.
b. waša-j-en mɔlsər aj_iki-j-ən χṭśə-s-i
Вася-EP-POSS.2SG что.INDEF мальчик-EP-LOC ударить-PST-PASS[3SG]
'Какой-то мальчик ударил Васю'.
(29) a. *mɔlsər aj_iki tām an-en šūkət-əs
что.INDEF мальчик этот чашка-POSS.2SG ломать-PST[3SG]
Ожид.: 'Какой-то мальчик разбил чашку'.
b. tām an-en mɔlsər aj_iki-j-ən šūkət-s-a
этот чашка-POSS.2SG что.INDEF мальчик-EP-LOC ломать-PST-PASS[3SG]
'Какой-то мальчик ударил разбил чашку'.

Если же оба участника оказываются референтными неопределенными, как в (30), ограничение на активный залог снимается.

- (30) a. aj_iki amp χṭśə-s
мальчик собака ударить-PST[3SG]
{Что случилось?} 'Мальчик ударил собаку'.
b. amp aj_iki-j-ən χṭśə-s-i
собака мальчик-EP-LOC ударить-PST[3SG]
{Что случилось?} 'Мальчик ударил собаку'.

Однако в безличных переходных контекстах, где референтный неопределенный (31) или генерический А-участник (32) не выражен, используется исключительно пассивный залог.

- (31) an šūkət-s-a / *šūkət-s-ət
чашка ломать-PST-PASS[3SG] / ломать-PST-3PL
{Что случилось?} 'Чашку разбили'.
(32) tāta išhe-t at keša tɔxər-λ-aj-ət / *tɔxər-λ-ət
здесь окно-PL ночь для запереть-PST-PASS-3PL / запереть-PST-3PL
'Здесь окна на ночь закрывают'.

Кроме того, существует целый ряд глаголов, у которых пассивный залог является основным или единственным вариантом, ср. [Соловар 2010: 91—92]. Такие глаголы описывают изменение психического, физического, физиологического или метеорологического состояния в результате воздействия нереперентной и неодушевленной внешней силы, которая, как и ветер, не может стоять в позиции подлежащего переходного глагола. Так, пассив образуется от одноместных глаголов *māreməti* 'соскучиться' (33), не имеющего активной формы, *pātlati* 'стемнеть' (34), имеющего параллельную активную форму для безличного контекста *na ulice stemnelo*, и *šəyixiti* 'гореть, тлеть' с синонимичными активной и пассивной формой (35).

- (33) apəlne-η-en māremə-s-i
младшая.сестра-EP-POSS.2SG соскучиться-PST-PASS[3SG]
'Сестра твоя соскучилась' [Соловар 2010: 92].
(34) lūw šāta pātla-s-i
она там стемнеть-PST-PASS[3SG]
'Ее там темнота застала' [там же: 92].

- (35) *nepek śəŋxi-s-a* / *śəŋxi-j-əs*
 бумага тлеть-PST-PASS[3SG] / тлеть-PST[3SG]
 ‘Бумага истлела’.

В последнем примере семантическая разница между глагольными формами, по-видимому, состоит в том, что при активе событие тления концептуализуется как внутренний естественный процесс, тогда как при пассиве — это результат внешнего воздействия, ср. примеры ниже с глаголом *pətti* ‘мерзнуть’ и неодушевленным участником (36) и с одушевленным участником (37), которого событие замерзания в нормальном случае может затронуть только извне, ср. возможность выразить каузатора ‘холод’ при пассиве, но не при активе (38).

- (36) *jəχan-ew pət-s-a* / *pət-əs*
 река-POSS.1PL замерзать-PST-PASS[3SG] / замерзать-PST[3SG]
 ‘Наша река замерзла’.

- (37) *amp-en pət-s-a* / *ʔpət-əs*
 собака-POSS.2SG замерзать-PST-PASS[3SG] / замерзать-PST[3SG]
 ‘Собака замерзла’.

- (38) *amp-en iški-j-ən pət-s-a* / **pət-əs*
 собака-POSS.2SG холод-EP-LOC замерзать-PST-PASS[3SG] / замерзать-PST[3SG]
 ‘Собака замерзла (букв.: холодом замерзла)’.

Приведенные примеры можно рассматривать как свидетельство того, что пассивный залог сохраняет переходность глагола, не устранив А-участника полностью, а только не выражая или ограниченно выражая его в силу его крайне низкой позиции на референциальной иерархии.

Таким образом, залог в севернохантыйском обнаруживает признаки иерархической организации: преимущество А-участника по параметрам ведет к использованию активного залога, преимущество Р-участника по тем же параметрам — к использованию пассивного залога, см. таблицу 6 ниже. В этом отношении сравнение противопоставления актив-пассив с оппозицией директив-инверсив оказывается вполне уместным.

Таблица 6. Использование актива и пассива
 в зависимости от исследуемых параметров
 в казымском диалекте севернохантыйского языка

А-участник	Р-участник	Актив	Пассив
топик	в фокусе		
определенный	неопределенный	+	—
локутор	(не)локутор		
личный	безличный		
равные по информационной структуре			
равные по референциальному статусу			
равные по одушевленности		+	+
одушевленный	неодушевленный		
нелокутор	(не)локутор		
одинаково личные			
в фокусе	топик		
неопределенный	определенный	—	+
неодушевленный	одушевленный		
безличный	личный		

Что касается конкретных параметров, как можно видеть из таблицы, локуторы обнаруживают явный, хотя и не совсем последовательный приоритет над нелокуторами, как и в классических иерархических языках. В случае же двух нелокуторов выбор между активом и пассивом зависит не только от топикальности А-участника и Р-участника, как в обдорском, но и от их взаимного расположения в референциальной иерархии и иерархии одушевленности.

2.2. Субъектное и субъектно-объектное спряжение

Вариативное глагольное согласование лишь относительно недавно стало предметом широкого обсуждения [Iemmolo 2011; Iemmolo, Klumpp 2014; Haig 2018]. В частности, в работе [Haig 2018: 789] вводится понятие «дифференцированное выражение объекта в глаголе» (англ. Differential Object Indexing, DOI), которое определяется как система выражения прямого объекта, в которой показатель числа на предикате зависит от прагматических и семантических факторов, не связанных с самим предикатом. В числе факторов упоминается а) наличие/отсутствие выраженного кореферентного прямого объекта в данной клаузе, б) лицо, одушевленность, информационный статус прямого объекта, в) информационная структура всей клаузы и г) наличие дополнительного объекта, более высокого по одушевленности. В севернохантыйском языке такую систему образуют парадигмы субъектного и субъектно-объектного спряжения. Субъектное спряжение используется всегда с непереходными глаголами, а также в пассивном залоге, тогда как у переходных глаголов оно употребляется наравне с субъектно-объектным спряжением. Дистрибуция двух парадигм у переходных глаголов нетривиальна и является предметом дискуссий. Изначально считалось, что, как и в родственном венгерском, субъектно-объектное спряжение в хантыйском используется при определенном прямом объекте, а субъектное — при неопределенном [Honti 1986]. Однако в недавних работах использование спряжений анализируется в основном в терминах информационной структуры. Так, в работе [Nikolaeva 2001] на материале обдорского диалекта хантыйского утверждается, что субъектное спряжение используется в случае, если топику/теме соответствует только субъект (39), тогда как для использования субъектно-объектного спряжения необходимо, чтобы топику/теме соответствовал как субъект, так и прямой объект (40), ср. аналогичные выводы на материале восточных диалектов [Filchenko 2012: 120—122].

- (39) *luw / Juwan Pe:tra re:sk-əs / *re:sk-əs-li*
 он / Иван Петр ударить-PST[3SG] / ударить-PST-3SG>SG
 {Кого ударил Иван?} ‘Он/Иван ударил Петра’ [Nikolaeva 2001: 16].

- (40) *luw Pe:tra / luw-e:l re:sk-əs-li / *re:sk-əs*
 он Петр / он-ACC ударить-PST-3SG>SG / ударить-PST[3SG]
 {Что Иван сделал с Петром?} ‘Он ударил Петра/его’ [там же].

В свою очередь, в работе [Кошкарева 2002: 32] на материале казымского диалекта акцент делается на позиции фокуса/ремы, но условие использования субъектно-объектного спряжения оказывается примерно тем же: оно используется, если ремой является одно сказуемое, что соотносится с требованием тематичности субъекта и прямого объекта в [Nikolaeva 2001], ср. (41) с глаголами *nõx ałeməti* ‘поднять’ и *temətti* ‘выбросить’ в субъектно-объектном спряжении.

- (41) *in ime-λ kim ɛt-əm jūpijən*
 этот женщина-POSS.3SG наружу выйти-PST.PTCP после
 ‘После того, как эта женщина наружу вышла’.
sorni an-ije-λ nõx ałəm-əs-λe
 золотой чашка-DIM-POSS.3SG вверх взять-PST-3SG>SG
 ‘(Та женщина) взяла золотую чашку’.
pūn-λ-aλ jira temət-s-əλe
 нитка-PL-3SG в.сторону выбросить-PST-3SG>SG
 ‘Все нитки выбросила’ [Кошкарева 2002: 33].

Выводы И. А. Николаевой и Н. Б. Кошкаревой в целом подтверждаются на имеющемся текстовом и полевом материале казымского диалекта, однако нуждаются в ряде дополнений и уточнений. Для этого рассмотрим более подробно различные типы информационно-структурных контекстов, опираясь на работу [Lambrecht 1994]. Поскольку информационная структура в большей степени зависима от контекста высказывания, чем другие обсуждаемые нами параметры, рассмотрим примеры из естественных текстов, а конкретнее — диалогические реплики, в которых информационно-структурные функции наиболее очевидным образом заданы. В контекстах предикатного фокуса, при котором субъект и объект являются топиками, как в ответной реплике⁸ в (42), в соответствии с уже известными данными используется субъектно-объектное спряжение.

⁸ В самом вопросе, однако, при таком же предикатном фокусе используется субъектное спряжение, что может быть связано с неассертивностью высказывания или какими-то другими особенностями вопросительных предло-

- (42) — *xil-en wй-s-ən?* — *xon wй-s-əm*
внук-POSS.2SG брать-PST-2SG NEG брать-PST-1SG>SG

‘Внука твоего ты взяла? — Я не брала’ [Корпус: «Женщина, выделяющая жилы», 39—40].

В контекстах сентенциального фокуса, при котором в фокус попадает все предложение, включая субъект, объект и глагол, как можно видеть в ответе в (43), используется субъектное спряжение, что также вписывается в существующие представления о рематичности/фокусности объекта при субъектном спряжении.

- (43) — *moja mǎnət лерəл-s-ən?*
зачем я.ACC обмануть-PST-2SG

‘Ты почему меня обманул?’

mitxə lop-əs:

слуга говорить-PST[3SG]

‘Слуга говорит:’

- *nǎj kǎnši part-s-ən n̄ar ox-əp petr*
ты искать:NFIN.NPST велеть-PST-2SG лысый голова-ATTR Петр

‘Ты приказал мне найти лысого Петра’ [Корпус: «Находчивый слуга царя», 37—39].

Наконец, в контекстах аргументного фокуса, а конкретнее фокуса на прямом дополнении, наблюдается вариативность в выборе спряжения. Так, в одном фрагменте (44) в ответ на эксплицитно поставленный частный вопрос используется субъектное спряжение.

- (44) — *mǒj-λ-an nǎj lipsi-λ-ən?*
что-PL-POSS.2SG ты лизать-NPST-2SG

‘Что ты там слизываешь?’

- *pa sɔλ-λ-am kim karalə-s-əm, sɔλ-λ-am лє-λ-əm*
ADD кишка-PL-1SG наружу ковырять-PST-1SG кишка-PL-1SG есть-NPST-1SG

‘Я вытащил свои кишки, ем кишки’ [Корпус: «Лживый лис», 13, 14].

В другом фрагменте (45) в ответе на похожий вопрос используется уже субъектно-объектное спряжение.

- (45) — *χǒjt-en nǎj in lawəλ-λ-en pa?*
человек-POSS.2SG ты сейчас ждать-NPST-2SG>SG ADD

‘Или ждешь кого-то?’

- *sa sa — lǒp-əs balda lǔw-eλ*
PRTC PRTC говорить-PST[3SG] Балда он-3SG

‘Да-да, — сказал Балда ему’

- *lawəλ-λ-əm ma tǒm aj pǎləj*
ждать-NPST-1SG>SG я тот маленький туча

‘Жду я ту маленькую тучку’ [Корпус: «Сказка о попе и его работнике Балде», 186—188].

При внимательном взгляде на контрасты (44, 45) обнаруживается, что разницу в форме глагола можно объяснить различным референциальным статусом Р-участника. Так, выражение ‘та маленькая тучка’ в (45) описывает уникальный объект в текущем дискурсе, поэтому является определенным, тогда как выражение ‘кишки’ в (44) не описывает уникальный объект, поэтому является неопределенным.

Влияние разницы в референциальном статусе подтверждается и на элицитированных севернохантыйских примерах. В контекстах с аргументным фокусом на прямом дополнении, в которых дефолтно используется субъектное спряжение (ср. примеры 41 выше из обдорского и 46 из казымского диалекта), субъектно-объектное спряжение также может использоваться, если позицию прямого объекта занимает определенный участник (46b), и неграмматично при референтном неопределенном участнике (46a).

- (46) a. *pet'a-j-en mǒlsər aj_iki χǎtsə-s / *χǎtsə-s-λe*
Петя-EP-POSS.2SG какой.INDEF мальчик ударить-PST[3SG] / ударить-PST-3SG>SG
{Кого ударил Петя?} ‘Петя ударил КАКОГО-ТО МАЛЬЧИКА’.
b. *pet'a-j-en tām aj_ike-n χǎtsə-s / χǎtsə-s-λe*
Петя-EP-POSS.2SG этот мальчик-POSS.2SG ударить-PST[3SG] / ударить-PST-3SG>SG
{Кого ударил Петя?} ‘Петя ударил ЭТОГО МАЛЬЧИКА’.

жений, которые на данный момент неизвестны. Мы ограничимся упоминанием этого факта, оставив его обсуждение за рамками данной работы.

Контексты определенных, но не упоминавшихся ранее участников в позиции прямого дополнения, определенность которых следует только из их уникальности в текущем дискурсе (ср. работу [Gundel et al. 1993], а также анализ маркирования прямого дополнения в терминах уникальности в бесермянском удмуртском [Сердобольская 2017]), устроены менее регулярно. Так, в приведенном ниже фрагменте (47) объектное спряжение используется только с Р-участником ‘печь’, но не с другими упоминаемыми участниками, хотя ни один из этих участников не был упомянут ранее. Вероятное объяснение состоит в том, что печь является наиболее значимой частью традиционного жилища, поэтому здесь она в наибольшей степени активирована, ср. похожее рассуждение в [Nikolaeva 2001: 36—39] о влиянии семантического отношения ‘часть-целое’ на использование объектного спряжения. Однако окончательные выводы могут быть сделаны только по итогам отдельного исследования подобных примеров на материале текстов.

- (47) *kort-a imōltijn si jōxət-s-əm, tāl xātł-ət sora pātłə-λ-ət,*
 деревня-DAT наконец FOC прийти-PST-1SG зима день-PL быстро темнеть-NPST-3PL
jetn-a si jūw-əm-əs, lampa-j-ew nōx wūšit-s-əw,
 вечер-DAT FOC стать-PNCT-PST лампа-EP-POSS.1PL вверх разжигать-PST-1PL
kqr-ew āl-s-ew, mōls-əm nir-a nōx ixət-s-əm
 печка-POSS.1PL разжечь-PST-1PL>SG малица-POSS.1SG жердь-DAT вверх вешать-PST-1SG
 ‘Наконец я пришел на стойбище. Зимой быстро темнеет. Наступил вечер. Зажгли лампу. Затопили печь. Малицу на жердь повесил’ [Корпус: «Вечером», 2—7].

Для использования субъектно-объектных форм необходимо также, чтобы и А-участник занимал высокую позицию в референциальной иерархии, ср. референтный неопределенный А-участник при определенном (48) и неопределенном Р-участнике (49). Следовательно, для использования субъектно-объектного спряжения необходимым условием является определенность обоих участников.

- (48) *aj_iki pet'a-j-en xātśa-s / *xātśa-s-λe*
 мальчик Петя-EP-POSS.2SG ударить-PST[3SG] / ударить-PST-3SG>SG
 {Кого ударил мальчик?} ‘Мальчик ударил ПЕТЮ’.

- (49) *aj_iki amp xātśa-s / *xātśa-s-λe*
 мальчик собака ударить-PST[3SG] / ударить-PST-3SG>SG
 {Кого ударил мальчик?} ‘Мальчик ударил СОБАКУ’.

Значима также позиция А-участника в иерархии одушевленности: если А-участник — человек, допустимо использование обоих спряжений (50). Если же А-участник — животное, единственным вариантом остается субъектное спряжение (51) с тем условием, что Р-участник уступает А-участнику по одушевленности, в противном случае используется пассив (52).

- (50) *pet'a-j-en tām an-en šūkat-əs / šūkat-s-əλλe*
 Петя-EP-POSS.2SG этот чашка-POSS.2SG разбить-PST[3SG] / разбить-PST-3SG>SG
 {Что Петя разбил?} ‘Петя разбил ЭТУ ЧАШКУ’.

- (51) *amp-en tām an-en šūkat-əs / *šūkat-s-əλλe*
 собака-POSS.2SG этот чашка-POSS.2SG разбить-PST[3SG] / разбить-PST-3SG>SG
 {Что собака разбила?} ‘Собака разбила ЭТУ ЧАШКУ’.

- (52) *pet'a-j-en amp-ən tōxəm-s-a*
 Петя-EP-POSS.2SG собака-LOC кусать-PST-PASS[3SG]
 {Что собака сделала с Петей?} ‘Собака Петю УКУСИЛА’.

Исключение составляют контексты типа (53), в которых животное приобретает топикальный статус в текущем фрагменте дискурса за счет того, что выполняет последовательность действий.

- (53) *xōlta aj wəj-leŋki mām-əs, amōj jiləp xət wēr-əs,*
 куда маленький зверь идти-PST[3SG] или новый дом делать-PST[3SG]
amōj katra xət-əl nōx lešət-s-əλλe
 или старый дом-POSS.3SG вверх готовить-PST-3SG>SG
 ‘Куда хоть мышка делась: или новую норку она сделала, или старую норку починила’ [Корпус: «Мышка», 15].

Таким образом, выбор между субъектным и субъектно-объектным спряжением действительно опирается главным образом на информационную структуру в соответствии с наблюдениями [Nikolaeva

2001; Filchenko 2012; Кошкарева 2002] и других авторов. Субъектно-объектное спряжение используется в контекстах фокуса на глаголе с топикальными субъектом и объектом, тогда как в большинстве других случаев используется субъектное спряжение. Единственный контекст в казымском хантыйском, где наблюдается вариативность в выборе спряжения — контекст с аргументным фокусом на прямом дополнении. В этом случае выбор спряжения, как и в случае выбора между активом и пассивом, зависит от референциального статуса и одушевленности и также носит иерархический характер, ср. таблицу 7 ниже.

Таблица 7. Использование субъектного и субъектно-объектного спряжений в зависимости от исследуемых параметров в казымском диалекте севернохантыйского языка

А-участник	Р-участник	Субъектное спряжение	Субъектно-объектное спряжение
топик одушевленный определенный	топик одушевленный определенный	—	+
топик одушевленный	в фокусе (не)одушевленный	+	+
равные по референциальному статусу			
в фокусе неодушевленный	в фокусе (не)одушевленный	+	—
разные по референциальному статусу			

В целом, сопоставляя выбор между субъектным и субъектно-объектным спряжением с выбором между активным и пассивным залогом, можно сделать вывод о том, что для залога определяющей является прежде всего иерархическая позиция А-участника: при иерархически высоком А-участнике по обсуждаемым параметрам используется активный залог, в противном случае — пассив. Для спряжения же значима иерархическая позиция обоих участников: если оба они занимают высокую позицию на одной или нескольких иерархиях, используется субъектно-объектное спряжение, в противном случае — субъектное спряжение. Тем самым, мы получили ответ на первые два заявленных вопроса: 1) вариативное кодирование участников в севернохантыйском зависит от информационной структуры, лица, одушевленности и референциального статуса и 2) кодирование носит иерархический характер, так как зависит от положения участников на шкале, задаваемой данными параметрами.

4. Севернохантыйский язык: аккузативная и иерархическая трактовка

Рассмотрев параметры кодирования участников в севернохантыйском языке, мы можем обратиться к более общему вопросу 3 о том, какое место занимает иерархическое кодирование в системе севернохантыйского языка и как это соотносится с представлением о севернохантыйском как о языке с аккузативной стратегией ролевого кодирования. Как мы уже упомянули ранее в разделе 1.2, если рассматривать кодирование участников в строго формальном ключе, базовой стратегией кодирования в севернохантыйском языке является аккузативная стратегия, что следует из аккузативного оформления местоимений, первичного согласования глагола с S/A-участником и тяготения А-участника (переходного субъекта) к начальной позиции в предложении. При таком подходе севернохантыйская категория пассива подобно индоевропейским пассивам считается производным залогом и не рассматривается как часть системы кодирования. Однако, исключая пассив из рассмотрения, мы не только упускаем из вида общую иерархизированность кодирования, но также лишаемся возможности интерпретировать контексты, в которых пассивная конструкция является единственным способом выразить некоторую переходную пропозицию, ср. примеры (15, 16), повторенные ниже в (54, 55). В результате либо обязательное требование пассива в подобных контекстах приходится рассматривать как своего рода исключение из аккузативного анализа, либо такие контексты стоит выделять в самостоятельную, параллельную стратегию ролевого кодирования.

(54) *kalan ɣoj-na we:l-s-a* *Juwan-na we:l-s-a*
 олень кто-LOC убить-PST-PASS[3SG] Иван-LOC убить-PST-PASS[3SG]
 ‘Кто убил оленя? Иван убил’ [Nikolaeva 2001: 25].

(55) *wət-ən maša-j-en iɭ pǎwət-s-a*
 ветер-LOC Маша-EP-POSS.2SG вниз уронить-PST-PASS[3SG]
 ‘Порыв ветра сбил Машу’.

Альтернативный подход состоит в том, чтобы считать пассивный залог частью базовой стратегии кодирования, применяя, тем самым, к севернохантыйскому языку инструментарий для описания иерархических языков и приписывая пассиву функцию инверсива. Такой подход отходит от дифференциации стратегий по формальному принципу в сторону более функционального описания, а также позволяет охватить гораздо больше переходных контекстов, включая вышеупомянутые примеры. Тем не менее, и его применение имеет свои недостатки. Во-первых, в прототипических иерархических языках, таких как алгонкинские, ср. примеры (3, 4) из равнинного кри, сочетание иерархически низкого А-участника с высоким Р-участником маркируется только за счет инверсива (тип «*remapping inverse*», по [Zuñiga 2006: 64]), тогда как дополнительное именное маркирование А-участника косвенным падежом, как в языке пикурис (1, 2) и в севернохантыйском, является признаком более периферийной иерархической системы (тип «*passive inverse*», там же), для которой преимущества инверсивного анализа над пассивным менее очевидны. Во-вторых, инверсив в отличие от пассива как правило сохраняет переходность клаузы, ср. [Klaiman 1993: 348], тогда как севернохантыйская пассивная конструкция выглядит как непереходная: А-участник понижен до косвенного дополнения, и отсутствует выраженное прямое дополнение. В некотором смысле локативного А-участника в этой конструкции можно было бы рассматривать как неканонического субъекта, но дополнительных формальных свидетельств в пользу его подлежащей позиции не обнаруживается. В этом отношении примечателен пример восточнохантыйского языка, в котором, помимо базовой переходной конструкции с глаголом в субъектно-объектном спряжении (56), существует и другой вариант конструкции, в которой глагол также стоит в активном субъектно-объектном спряжении, но А-участник, как и при пассиве, маркируется локативом (57), поэтому такая конструкция характеризуется как эргативная переходная [Filchenko 2005: 31—33].

(56) *ma ämp-äm tiyl-a kari-mta-s-im*
я собака-POSS.1SG DEM-LAT тянуть-INTNS-PRF-1SG>SG
'Я притянул собаку ближе' [Filchenko 2005: 30].

(57) *əllə sart män-nə löyöli-s-im*
большой щука я-LOC готовить-PST1-1SG>SG
'Я большую щуку приготовил' [Filchenko 2012: 122].

Не отдавая предпочтения какой-либо из двух трактовок, мы лишь констатируем, что севернохантыйский язык нельзя отнести ни к прототипическим аккузативным, ни к прототипическим иерархическим языкам. Формально он тяготеет к языкам с базовой аккузативной стратегией, что неудивительно, учитывая генетический и ареальный фон. Однако в своем функционировании он явно обнаруживает черты иерархической организации, которые частью укладываются в аккузативную модель, частью существуют в виде ряда исключений. В конечном итоге вопрос о том, которая из двух стратегий является для хантыйского языка базовой, представляется в большей степени дескриптивным, чем теоретическим, и ответ на него будет зависеть от целей конкретного исследователя.

Стоит также упомянуть возможные дальнейшие направления исследования.

Во-первых, что касается диалектной специфики севернохантыйской системы, то на данный момент известно об ориентации ролевого кодирования на топиальность участников в обдорском диалекте [Nikolaeva 2001] и в восточных диалектах [Filchenko 2012: 118—120], а также о дифференцированном маркировании А-участника в восточных диалектах в зависимости от агентивности/контроля [Filchenko 2005: 37—39]. Все это при определенном ракурсе может рассматриваться в ряду иерархических принципов кодирования участников и пополняться другими подобными принципами. Исследование данных явлений может способствовать пониманию общей диалектной и ареальной картины ролевого кодирования.

Во-вторых, интересным направлением представляется диахроническая эволюция севернохантыйской системы кодирования, которая привела к наблюдаемому в настоящий момент диалектному разнообразию. Поскольку мы располагаем ранними текстами только на обдорском диалекте, помимо их детального изучения и сопоставления с современными текстами, для этой цели необходимо углубленное сопоставление современных текстов на разных севернохантыйских диалектах с привлечением материала ареально и генетически близких языков.

В-третьих, остается открытым вопрос о кодировании участников в менее прототипических с точки зрения (морфо)синтаксиса и семантики контекстах, например, в неканонических переходных и дитранзитивных конструкциях, а также в эвиденциальных и императивных формах, имеющих собственные парадигмы спряжения. В этих контекстах могут обнаруживаться отклонения от наблюдаемого кодирования в силу особенностей морфологии, синтаксиса, семантики и диахронического развития используемых конструкций. Рассмотрение этих контекстов позволит существенно расширить наши представления об общих механизмах кодирования участников.

Заключение

В статье рассмотрен вопрос о кодировании участников в севернохантыйском языке на материале полых и текстовых данных казымского диалекта. Севернохантыйский язык принято описывать как аккумулятивный язык, в котором ролевое кодирование в значительной мере определяется информационной структурой. В ходе исследования было установлено, что, помимо информационной структуры, важную роль играют также параметры лица, одушевленности и референциального статуса и что выбор залога и глагольного согласования во многом носит иерархический характер. По итогам анализа был сделан вывод о том, что базовая стратегия кодирования в севернохантыйском формально тяготеет к аккумулятивной, тогда как функционально она близка к системам иерархических языков.

Сокращения

1, 2, 3 — лицо	LAT — латив
I, II — согласовательные парадигмы	LOC — локатив
A — агенс	NEG — отрицание
ACC — аккумулятив	NFIN — нефинитная форма
ADD — аддитив	NPST — непрошедшее время
ADJ — адъективизатор	NSG — неединственное число
ATTR — атрибутивизатор	OBJ — объектное спряжение
DAT — датив	OBL — косвенная форма
DEF — определенность	P — пациенс
DEM — демонстратив	PASS — пассив
DIM — диминутив	PL — множественное число
DIR — директив	PNCT — пунктив
DU — двойственное число	POSS — посессив
EP — эпентеза	PRF — перфект
FOC — фокус	PRTC — частица
IMP — императив	PST — прошедшее время
INDEF — неопределенность	PTCP — причастие
INTNS — интенсив	S — единственный участник
INV — инверсив	SG — единственное число
	SUBJ — субъектное спряжение

Литература

- Вальгамова и др. 2011 — Вальгамова С. И., Кошкарева Н. Б., Онина С. В., Шиянова А. А. Диалектологический словарь хантыйского языка (шурышкарский и приуральский диалекты) / Ред. Н. Б. Кошкарева. Екатеринбург, 2011.
- Каксин 2010 — Каксин А. Д. Казымский диалект хантыйского языка. Изд. 2-е, доп. Ханты-Мансийск, 2010.
- Кошкарева 2002 — Кошкарева Н. Б. Коммуникативная парадигма хантыйского предложения // Языки коренных народов Сибири. Вып. 12. Новосибирск, 2002. С. 29—44.
- Михайлов 2018 — Михайлов С. К. Почему хантыйские имена нуждаются в определенном артикле? // Пятнадцатая Конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей. Тезисы докладов (Санкт-Петербург, 22—24 ноября 2018 г.) / Ред. Д. Ф. Мищенко. СПб, 2018. С. 79—81.
- Николаева 1995 — Николаева И. А. Обдорский диалект хантыйского языка. М.; Гамбург, 1995.
- Падучева 2001 — Падучева Е. В. Каузативный глагол и декаузатив в русском языке // Русский язык в научном освещении. 2001, 1. С. 52—79.
- Сердобольская 2017 — Сердобольская Н. В. Инвариант определенности и дифференцированное маркирование прямого дополнения в бесермянском удмуртском // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. 2017, 3 (13). С. 76—122.
- Соловар 2010 — Соловар В. Н. Статальные элементарные простые предложения с пассивными формами глагольного сказуемого в казымском диалекте хантыйского языка // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2010, 2 (9). С. 91—98.
- Терешкин 1981 — Терешкин Н. И. Словарь восточнохантыйских диалектов. Л., 1981.
- Штейниц 1937 — Штейниц В. К. Хантыйский (остяцкий) язык // Языки и письменность народов Севера: Ч. 1. Языки и письменность самоедских и финно-угорских народов / Ред. Г. Н. Прокофьева. М.; Л., 1937. С. 193—228.

- Bárány 2015 — *Bárány A.* Differential object marking in Hungarian and the morphosyntax of case and agreement. PhD thesis. Cambridge, 2015.
- Bickel, Nichols 2009 — *Bickel B., Nichols J.* Case marking and alignment // *The Oxford handbook of case* / Eds. A. Malchukov, A. Spencer. Oxford, 2009. P. 304—321.
- Bickel et al. 2013 — *Bickel B., Iemmolo G., Zakharko T., Witzlack-Makarevich A., Bakker D., Haspelmath M.* Patterns of alignment in verb agreement // *Languages across boundaries: Studies in memory of Anna Siewierska* / Eds. D. Bakker, M. Haspelmath. Berlin, 2013. P. 15—36.
- Blust 2013 — *Blust R.* The Austronesian languages. Revised edition. Canberra, 2013.
- Comrie 1981 — *Comrie B.* Language universals and linguistic typology: Syntax and morphology. Oxford, 1981.
- Dixon 1972 — *Dixon R. M. W.* The Dyirbal language of north Queensland. Cambridge, 1972.
- Dixon, Aikhenvald 1997 — *Dixon R. M. W., Aikhenvald A.* A typology of argument-determined constructions // *Essays on Language Function and Language Type. Dedicated to T. Givón* / Eds. J. Bybee, J. Haiman, S. Thompson. Amsterdam, 1997. P. 71—113.
- Filchenko 2005 — *Filchenko A.* Non-canonical agent-marking in Eastern Khanty: A functional-pragmatic perspective // *University of Pennsylvania Working Papers in Linguistics*. 2005, 1 (11). P. 29—40.
- Filchenko 2012 — *Filchenko A.* Continuity of information structuring strategies in Eastern Khanty // *Argument Structure and Grammatical Relations. A crosslinguistic typology* / Eds. P. Suihkonen, B. Comrie, V. Solovyev. Amsterdam, 2012. P. 115—131.
- Givón 1979 — *Givón T.* On understanding grammar. New York, 1979.
- Givón 1983 — *Givón T.* Topic continuity in discourse: A quantitative cross-language study. Amsterdam, 1983.
- Gundel et al. 1993 — *Gundel J. K., Hedberg N., Zacharski R.* Cognitive status and the form of referring expressions in discourse // *Language*. 1993, 2 (69). P. 274—307.
- Haig 2018 — *Haig G.* The grammaticalization of object pronouns: Why differential object indexing is an attractor state // *Linguistics*. 2018, 4 (56). P. 781—818.
- Haspelmath 2011 — *Haspelmath M.* On S, A, P, T, and R as comparative concepts for alignment typology // *Linguistic Typology*. 2011, 3 (15). P. 535—567.
- Honti 1986 — *Honti L.* Chrestomathia ostiaca. Budapest, 1986.
- Iemmolo 2011 — *Iemmolo G.* Towards a typological study of differential object marking and differential object indexation. Doctoral dissertation. Pavia, 2011.
- Iemmolo, Klumpp 2014 — *Iemmolo G., Klumpp G.* Introduction to the special issue “Differential Object Marking: theoretical and empirical issues” // *Linguistics*. 2014, 2 (52). P. 271—279.
- Keenan 1985 — *Keenan E. L.* Passive in the world’s languages // *Language Typology and Syntactic Description*, vol. 1: Clause Structure / Ed. T. Shopen. Cambridge, 1985. P. 243—281.
- É. Kiss 2013 — *É. Kiss K.* The inverse agreement constraint in Uralic languages // *Finno-Ugric Languages and Linguistics*. 2013, 1 (2). P. 2—21.
- Kibrik 1997 — *Kibrik A. E.* Beyond subject and object: Toward a comprehensive relational typology // *Linguistic Typology*. 1997, 1. P. 279—346.
- Klaiman 1993 — *Klaiman M. H.* The relationship of inverse voice and head-marking in Arizona Tewa and other Tanoan languages. *Studies in Language* // *International Journal sponsored by the Foundation “Foundations of Language”*. 1993, 2 (17). P. 343—370.
- Kulonen 1989 — *Kulonen U. M.* The Passive in Ob-Ugrian. Helsinki, 1989.
- Lambrecht 1994 — *Lambrecht K.* Information structure and sentence form: topic focus and the mental representation of discourse referents. Cambridge, 1994.
- Mikhailov 2021 — *Mikhailov S.* Semantics of the Northern Khanty 2sg possessive and of related and competing markers. MA dissertation. Moscow, 2021.
- Nichols 1992 — *Nichols J.* Linguistic diversity in space and time. Chicago, 1992.
- Nikolaeva 1999 — *Nikolaeva I.* Ostyak. Munich, 1999.
- Nikolaeva 2001 — *Nikolaeva I.*, 2001. Secondary topic as a relation in information structure // *Linguistics*. 2001, 1 (39). P. 1—50.
- Shibatani 1985 — *Shibatani M.* Passives and related constructions: A prototype analysis // *Language*. 1985, 4 (61). P. 821—848.
- Shibatani 1988 — *Passive and voice* / Ed. M. Shibatani. Amsterdam; Philadelphia, 1988.
- Siewierska 2003 — *Siewierska A.* Person agreement and the determination of alignment // *Transactions of the Philological Society*. 2003, 2 (101). P. 339—370.
- Siewierska 2013 — *Siewierska A.* Alignment of Verbal Person Marking // *The World Atlas of Language Structures Online*. Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology / Eds. Dryer M. S., Haspelmath M. 2013. Vol. 406. URL: <http://wals.info/chapter/100>.

- Steinitz 1950 — *Steinitz W.* Ostjakische Grammatik und Chrestomatie mit Wörterverzeichnis. 2. Verb. Leipzig, 1950.
- Thompson 1994 — *Thompson C.* Passive and inverse constructions // *Voice and inversion* / Ed. T. Givón. 1994. Vol. 28. P. 47—63.
- Virtanen, Sosa 2018 — *Virtanen S., Sosa S.* Remarks on areal linguistics in the information structure of the Ob-Ugrian languages // *Folia Uralica Debreceniensia*. 2018, 25. P. 233—260.
- Watters 2002 — *Watters D.* A grammar of Kham. Cambridge, 2002.
- Zuñiga 2006 — *Zuñiga F.* Deixis and alignment: Inverse systems in indigenous languages of the Americas. Amsterdam, 2006.

References

- Bárány 2015 — Bárány A. Differential object marking in Hungarian and the morphosyntax of case and agreement. PhD thesis. Cambridge, 2015.
- Bickel, Nichols 2009 — Bickel B., Nichols J. Case marking and alignment. In: *The Oxford handbook of case* / Eds. A. Malchukov, A. Spencer. Oxford, 2009. P. 304—321.
- Bickel et al. 2013 — Bickel B., Iemmolo G., Zakharko T., Witzlack-Makarevich A., Bakker D., Haspelmath M. Patterns of alignment in verb agreement. In: *Languages across boundaries: Studies in memory of Anna Siewierska* / Eds. D. Bakker, M. Haspelmath. Berlin, 2013. P. 15—36.
- Blust 2013 — Blust R. The austronesian languages. Revised edition. Canberra, 2013.
- Comrie 1981 — Comrie B. Language universals and linguistic typology: Syntax and morphology. Oxford, 1981.
- Dixon 1972 — Dixon R. M. W. The Dyirbal language of north Queensland. Cambridge, 1972.
- Dixon, Aikhenvald 1997 — Dixon R. M. W., Aikhenvald A. A typology of argument-determined constructions. In: *Essays on Language Function and Language Type. Dedicated to T. Givón* / Eds. J. Bybee, J. Haiman, S. Thompson. Amsterdam, 1997. P. 71—113.
- Filchenko 2005 — Filchenko A. Non-canonical agent-marking in Eastern Khanty: A functional-pragmatic perspective. In: *University of Pennsylvania Working Papers in Linguistics*. 2005, 1 (11). P. 29—40.
- Filchenko 2012 — Filchenko A. Continuity of information structuring strategies in Eastern Khanty. In: *Argument Structure and Grammatical Relations. A crosslinguistic typology* / Eds. P. Suihkonen, B. Comrie, V. Solovyev. Amsterdam, 2012. P. 115—131.
- Givón 1919 — Givón T. On understanding grammar. New York, 1979.
- Givón 1983 — Givón T. Topic continuity in discourse: A quantitative cross-language study. Amsterdam, 1983.
- Gundel 1993 — Gundel J. K., Hedberg N., Zacharski R. Cognitive status and the form of referring expressions in discourse. In: *Language*. 1993, 2 (69). P. 274—307.
- Haig 2018 — Haig G. The grammaticalization of object pronouns: Why differential object indexing is an attractor state. In: *Linguistics*. 2018, 4 (56). P. 781—818.
- Haspelmath 2011 — Haspelmath M. On S, A, P, T, and R as comparative concepts for alignment typology. In: *Linguistic Typology*. 2011, 3 (15). P. 535—567.
- Honti 1986 — Honti L. *Chrestomathia ostiaca*. Budapest, 1986.
- Iemmolo 2011 — Iemmolo G. Towards a typological study of differential object marking and differential object indexing. Doctoral dissertation. Pavia, 2011.
- Iemmolo, Klumpp 2014 — Iemmolo G., Klumpp G. Introduction to the special issue “Differential Object Marking: theoretical and empirical issues”. In: *Linguistics*. 2014, 2 (52). P. 271—279.
- Kaksin 2010 — Kaksin A. D. *Kazym dialect of Khanty*. 2nd edition. Hanty-Mansijsk, 2010.
- Keenan 1985 — Keenan E. L. Passive in the world's languages. In: *Language Typology and Syntactic Description*. Vol. 1: Clause Structure / Ed. T. Shopen. Cambridge, 1985. P. 243—281.
- É. Kiss 2013 — É. Kiss K. The inverse agreement constraint in Uralic languages. In: *Finno-Ugric Languages and Linguistics*. 2013, 1 (2). P. 2—21.
- Kibrik 1997 — Kibrik A. E. Beyond subject and object: Toward a comprehensive relational typology. In: *Linguistic Typology*. 1997, 1. P. 279—346.
- Klaiman 1993 — Klaiman M. H. The relationship of inverse voice and head-marking in Arizona Tewa and other Tanoan languages. Studies in Language. In: *International Journal sponsored by the Foundation “Foundations of Language”*. 1993, 2 (17). P. 343—370.
- Koshkareva 2002 — Koshkareva N. B. Communicative paradigm of Khanty sentence. In: *Languages of Indigenous Peoples of Siberia*. Issue 12. Novosibirsk, 2002. P. 29—44.
- Kulonen 1994 — Kulonen U. M. The Passive in Ob-Ugrian. Helsinki, 1989.
- Lambrecht 1994 — Lambrecht K. Information structure and sentence form: topic focus and the mental representation of discourse referents. Cambridge, 1994.

- Mihajlov 2018 — Mihajlov S. K. Why do Khanty nouns need a definite article? In: 15th Conference on Typology and Grammar of Young Researchers. Book of Abstracts. (Saint Petersburg, 22—24 November 2018) / Ed. D. F. Mishhenko. Saint Petersburg, 2018. P. 79—81.
- Mikhailov 2021 — Mikhailov S. Semantics of the Northern Khanty 2sg possessive and of related and competing markers. MA dissertation, Moscow, 2021.
- Nichols 1992 — Nichols J. Linguistic diversity in space and time. Chicago, 1992.
- Nikolaeva 1995 — Nikolaeva I. A. Obdorsk dialect of Khanty. Moscow, Hamburg, 1995.
- Nikolaeva 1999 — Nikolaeva I. Ostyak. Munich, 1999.
- Nikolaeva 2001 — Nikolaeva I., 2001. Secondary topic as a relation in information structure. In: *Linguistics*. 2001, 1 (39). P. 1—50.
- Paducheva 2001 — Paducheva E. V. Causative verb and decausative in Russian. In: *Russian Language and Linguistic Theory*. 2001, 1. P. 52—79.
- Serdobol'skaja 2017 — Serdobol'skaja N. V. Invariant of definiteness and differential object marking in Beserman Udmurt. In: *Acta Linguistica Petropolitana*. 2017, 3 (13). P. 76—122.
- Shibatani 1985 — Shibatani M. Passives and related constructions: A prototype analysis. In: *Language*. 1985, 4 (61). P. 821—848.
- Shibatani 1988 — Passive and voice / Ed. M. Shibatani. Amsterdam, 1988.
- Siewierska 2003 — Siewierska A. Person agreement and the determination of alignment. In: *Transactions of the Philological Society*. 2003, 2 (101). P. 339—370.
- Siewierska 2013 — Siewierska A. Alignment of Verbal Person Marking. In: *The World Atlas of Language Structures Online*. Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology / Eds. Dryer M. S., Haspelmath M. 2013. Vol. 406. (URL: <http://wals.info/chapter/100>.)
- Steinitz 1937 — Steinitz W. Khanty (Ostjak) language. In: *Languages and writings of the peoples of the North: Part 1. Languages and writings of the Samoyed and Finno-Ugric peoples* / Ed. G. N. Prokof'eva. Moscow; Leningrad, 1937. P. 193—228.
- Solovar 2010 — Solovar V. N. Statal elementary simple sentences with passive forms of the verbal predicate in Kazym Khanty. In: *Bulletin of the NSU. Series: History, Philology*. 2010, 2 (9). P. 91—98.
- Steinitz 1950 — Steinitz W. Ostjakische Grammatik und Chrestomatie mit Wörterverzeichnis. 2. Verb. Leipzig: Harrassowitz, 1950.
- Tereshkin 1981 — Tereshkin N. I. Dictionary of Eastern Khanty dialects. Leningrad, 1981.
- Thompson 1994 — Thompson C. Passive and inverse constructions. In: *Voice and inversion* / Ed. T. Givón. 1994. Vol. 28. P. 47—63.
- Val'gamova i dr. 2011 — Val'gamova S. I., Koshkareva N. B., Onina S. V., Shijanov A. A. Dialectological dictionary of Khanty (Shuryshkary and Priural'sk dialects) / Ed. N. B. Koshkareva. Ekaterinburg, 2011.
- Virtanen, Sosa 2018 — Virtanen S., Sosa S. Remarks on areal linguistics in the information structure of the Ob-Ugrian languages. In: *Folia Uralica Debreceniensia*. 2018, 25. P. 233—260.
- Watters 2002 — Watters D. A grammar of Kham. Cambridge, 2002.
- Zuñiga 2006 — Zuñiga F. Deixis and alignment: Inverse systems in indigenous languages of the Americas. Amsterdam, 2006.